

*Светлой памяти Сергея Михайлова
посвящается эта книга*

ГЛАВА 1

рын, дрын, дрын... дрын, дрын, дры-ын!» Я вырвался из цепких объятий сна, как муха из паутины. Чугунные веки долго не хотели открываться. Сознание начало снова проваливаться в уютное беспмятство. Однако противный звук двигателей прямо под окнами не позволил этому совершиться. Будь это обычный шум мотора, было бы полбеды. Рев, сопоставимый по силе с шумом взлетающего реактивного лайнера, беспардонно нарушал утреннюю тишину московского дворика.

Проклиная все на свете, я выскочил на балкон. Как раз под моими окнами два прыщавых юнца на мотоциклах со снятыми глушителями что-то бурно обсуждали, стараясь перекричать своих железных коней. Заглушить машины и побеседовать в спокойной обстановке ребятам, конечно же, не приходило в голову. Из окон дома напротив уже высовывались хмурые заспанные физиономии соседей.

Все попытки привлечь внимание собеседников успехом не увенчались. Парни моих истошных криков явно не слышали или просто плевали на них с высоты своего юношеского эгоизма и максимализма.

Ну ладно, хлопцы, уговоров вы не понимаете, перейдем к активным действиям. Я сходил на кухню, достал из шкафа пластиковый пакет для мусора и наполнил его наполовину водой. По самым скромным подсчетам десяти литров жидкости должно было

вполне хватить, чтобы охладить пыл распоясавшихся рокеров.

Снаряд, посланный с балкона третьего этажа, упал именно туда, куда я его направил. Пакет со звуком разорвавшейся бомбы шлепнулся на асфальт точно между собеседниками. Каждому из них досталась примерно половина мощности боеприпаса. Я поздравил себя с удачной бомбардировкой и посетовал на то, что в свое время не стал летчиком. Такого аса потеряла Родина в моем лице!

Рев стальных монстров внезапно оборвался. Вода попала в систему зажигания, или у пацанов от испуга дрогнули руки, и они сами случайно повернули рычаги газа не в ту сторону, не знаю. Однако желаемый результат был достигнут. Юнцы пульей повывлетали со своих сидений и ошалело завертели головами в поисках источника столь неожиданного подарка.

Выражаясь языком военных, активная фаза операции завершилась успешно — враг был если не разгромлен полностью, то деморализован основательно. Наступила очередь дипломатии.

— Эй, ребятишки, вы что, совсем совесть потеряли?

Мокрые с ног до головы парни наконец-то соизволили обратить внимание на мою скромную персону.

— Бать, ты че так прикалываешься! Мы тут тусуемся, никому не мешаем, а ты нас водой!

Мне стало понятно, что язык вежливого общения в данной ситуации бесполезен. До куриных мозгов юнцов не доходило, что, когда им бывает хорошо, кому-то может быть вовсе даже наоборот.

— Объясняю популярно: в следующий раз, когда решите организовать тусовку, добро пожаловать под мои окна! Холодный бесплатный душ к вашим услу-

гам. Можем угостить еще кое-чем позабористее. Заодно приводите товарищей!

Ребятки резво, не пытаясь завести, покатали своих двухколесных друзей прочь со двора.

Последнее слово, все-таки осталось за ними:

— Ну, держись, гад, мы тебе еще покажем!

Насвистывая егерский марш, с чувством выполненного долга я покинул балкон. Стрелки будильника показывали половину шестого. Часика полтора можно было еще спокойно поспать. Я опустил на свое холостяцкое ложе, накрылся одеялом с головой и попытался вернуться к занятию, прерванному наглыми мальчишками.

Тут на меня накатило. Перед глазами начал прокручиваться сон — яркое ночное видение, что предшествовало столь раннему и не совсем приятному пробуждению.

Был знойный летний день. Я — маленький мальчик шести лет от роду, бегу по широкому полю к огромному дубу, одиноко стоящему посередине этого поля. Почему-то доподлинно известно, что во сне мне не пять, не семь, а именно шесть лет, странно. Ромашки, колокольчики и другие цветы, названия которых я не знаю, хлещут по ногам, мешают продвижению к намеченной цели. Я устал, выдохся, однако продолжаю бежать, маниакально осознавая — если не добегу вовремя, случится нечто страшное и непоправимое. Косматое солнце нещадно обжигает усталое тело. Травы все сильнее путаются под ногами. Кажется, что само ясное, голубое небо давит на мои детские плечи непомерным грузом.

Вдруг откуда-то сверху раздался громкий голос, нет, не громкий, а оглушительный, ненавистный голос моего работодателя и главного учителя Кривоножки Игнатия Матвеевича:

— Не торопись, но поспевай! Твоя зарплата не зависит от того, сколько ты проторчишь на рабочем месте, только результат оправдывает затраченные на тебя время и деньги...

Какое время и какие деньги он тратил на меня, было совершенно непонятно, но в психологии отставника-полковника, по моему глубокому убеждению, не разобрался бы сам Фрейд, даже если бы собрал для консилиума всех своих многочисленных учеников и последователей.

Голос с небес все повторял и повторял одно и то же. Я бежал и бежал к дереву. Через какое-то время в монотонный монолог моего босса стали вплетаться другие голоса:

— Построже с ним, Игнатий Матвеевич, возомнил о себе — гений недоделанный!

Я с удивлением узнал голос секретарши Светочки, с которой у нас были традиционно хорошие отношения.

«И ты, Брут!» — пришло в голову, и правду говорят: откуда не ждешь.

— Уволить! Прогнать! Расстрелять! Растерзать! Забодать! — Хор недовольных голосов все разрастался и разрастался. Теперь весь мой отдел скандировал: — Рас-тер-зать! рас-тер-зать!..

До заветного дуба оставалось метров тридцать. Я понял, что успеваю, Мир спасен!

«При чем тут Мир? — задал я сам себе вопрос. — Свою шкуру спасаю».

Неожиданно пришло осознание: себя не спасу — Мир полетит в тартарары. Стало страшно, захотелось плакать. Спрятаться куда-нибудь от всего этого кошмара.

Но вдруг все умолкли, и в полной тишине я услышал еще более ненавистный голос, он принадлежал

сыночку хозяина Геше, или Геннадию Игнатьевичу Кривоножко:

— В яму его, чтобы знал, кто здесь хозяин!

— В яму, в яму! — дружно подхватили другие голоса.

И тут я с ужасом почувствовал, что ноги стали проваливаться. Земля больше не держала уставшее от бега тело.

«Не успел, значит, опоздал, не спас себя, не спас Мир!» — промелькнуло в голове.

Я все глубже и глубже погружаюсь в землю. Последнее, что услышал, была громоподобная резолюция Кривоножко-старшего:

— В яму!..

Какой-то странный, непонятный, гротескный и в то же время весьма реалистичный сон. Обычно после подобных ночных видений мое тело чувствовало себя разбитым. Сегодня я был бодр и свеж. Сон дурной и глупый, но никаких негативных последствий на мое душевное равновесие он не оказал. Более того, меня охватило ощущение, что все в жизни должно измениться к лучшему. Лежать в постели больше не хотелось, и я быстро выпрыгнул из нее, ловко попав ногами в любимые растоптанные домашние тапочки.

Утренний туалет, приготовление завтрака и его последующее поглощение не заняли много времени. До выхода из дома на работу оставался еще целый час. Я включил телевизор. На экране показывали хронику ночных происшествий. Красивый женский голос торжественно докладывал о погибших и раненых в дорожно-транспортных происшествиях, о застреленных бизнесменах и сгоревших квартирах. Все это сопровождалось кадрами видеохроники, от которых волосы на голове вставали дыбом. На мой

взгляд, с реалистическим отображением действительности телевизионщики явно перестарались.

Приглушив звук, я устроился в кресле и погрузился мысленно внутрь себя. В последнее время меня все чаще стали посещать мысли, несвойственные молодым людям. Для чего я здесь, на белом свете? Так ли прожита жизнь? Что еще не сделано? Что упущено? Вот далеко не полный перечень вопросов, которые с завидным постоянством стали возникать в голове, особенно по утрам, как теперь, например. Может быть, это симптомы приближающейся старости?

Мне уже почти пятьдесят. Большая часть жизни прожита. Хорошо ли, плохо ли, факт — прожита. Все было в жизни Сергея Николаевича Свиридова, вашего покорного слуги. Рождение, детский сад, школа, первая любовь, верная дружба, учеба в МГУ на факультете высшей математики и кибернетики.

Тогда, в семидесятые, роботами и космическими полетами бредила вся продвинутая часть молодого поколения, а золотому медалисту Сереже Свиридову, победителю всех школьных, районных и городских олимпиад по физике и математике, был открыт прямой путь в одно из самых престижных учебных заведений страны.

На третьем курсе безумная любовь и женитьба на Алке — студентке филологического факультета. Через год появился на свет Пашка, Павел Сергеевич Свиридов, и тогда моя научная карьера закончилась, так и не начавшись. Благополучие семьи требовало бесперебойной и все возрастающей финансовой подпитки. Радужные мечты о бескорыстном служении науке и о грядущих великих открытиях как-то сами собой поблекли, отошли на второй план, а потом и вовсе вылетели из головы. По окончании университета, вместо того чтобы за копейки броситься на пе-

редний рубеж научного фронта, я пошел туда, где платили неплохие деньги, а именно: штатным программистом в одну военную контору. В течение почти пары десятков лет военное ведомство обеспечивало стабильность существования меня и моей семьи. Жена работала переводчицей в иллюстрированном журнале. Пашка рос, учился, его воспитанием я практически не занимался в том понимании, которое вкладывают в смысл слова «воспитание» некоторые излишне чадолюбивые родители. Помогал, конечно, в учебе, в каких-то повседневных делах, но собственных взглядов никогда не навязывал.

Все могло и дальше так продолжаться: работа, дом, по выходным дача, летом Крым или Кавказ на три недели. Но начавшаяся перестройка перевернула жизнь мою и моей семьи, прекрoила все планы.

С женой мы расстались десять лет назад. Я не выдержал ее агрессивного стремления к обогащению любыми способами, она — моего вызывающего нежелания участвовать во всяческих авантюрных прожектах, должных продвинуть ее в этом направлении. Расстались мы мирно, трехкомнатную квартиру в центре города быстро разменяли. В результате обмена мне достались уютная однокомнатная квартирка на окраине Москвы и холостяцкая свобода. Отношения с сыном удалось сохранить теплыми, дружескими, несмотря на упорные попытки моей бывшей отвадить Павла от «ленивого бездаря, недостойного называться отцом». Мальчик вырос, получил серьезное художественное образование. Они с женой Олей и сыном Саней иногда навещают меня либо дома, либо на даче. Алка все-таки добилась своего. Создала фирму по экспорту-импорту чего-то женского: одежда или парфюмерия, точно не знаю. Поговаривают, собирается замуж за компаньона-итальянца.

Я не стал дожидаться, когда меня попросят из военного ведомства в связи с сокращением финансирования или очередной «реорганизацией производства». Принял первое понравившееся предложение о трудоустройстве на фирме, производящей программное обеспечение для персональных компьютеров.

Мой новый работодатель, основатель и единственный владелец компании «Софт ризл», бывший артиллерист, дослужившийся до звания полковника, Кривоножко Игнатий Матвеевич, человек хоть и не богатырского телосложения, но весьма энергичный, беспокойный и склонный ко всяческого рода авантюрам. О компьютерах он имел весьма поверхностное представление. Полковник до сих пор, проработав более десяти лет в бизнесе, непосредственно связанном с компьютерами и всем, что их касается, системный блок по старинке называет — ЭВМ, а монитор — телевизором. Поначалу я недоуменно задавался вопросом, как такой человек, весьма недалекий и ограниченный, смог не только организовать дело, но и успешно держаться на плаву столь долгое время? Однажды, когда коллектив «Софт ризл» в полном составе отмечал свой корпоративный праздник — День ракетных войск и артиллерии, Игнатий Матвеевич после хорошей дозы украинской горилки со слезой в голосе поведал народу о тех обстоятельствах, которые подвигли его заняться именно разработкой программного обеспечения.

Оказывается, в конце восьмидесятых, когда самый главный человек в стране с экрана телевизора объявил во всеуслышание: «Разрешено все то, что не запрещено», умные люди восприняли это, как команду «Фас!». Армию, впрочем, как и всю остальную страну, начали разворовывать нагло, открыто, с размахом. Каждый, от рядового до генерала, тащил все что

можно и что нельзя. Торговали всем, пользующимся хоть каким-то спросом: от портянок до гаубиц и реактивных установок залпового огня. Вполне естественно, тащили по чину. Прапорщик уворовывал солдатские кальсоны и валенки. Рядовой пропивал то, что было на нем. Генералы вовсю торговали оружием внутри и за пределами страны. Полковнику Кривоножке от этого праздничного пирога досталась пара сотен компьютеров. Он поначалу воспринял подарок как личное оскорбление. В то время как его более удачливые сокурсники по училищу и академии обзаводились миллионными счетами в твердой конвертируемой валюте в иностранных банках, ему, заслуженному ветерану Вооруженных Сил, словно кость собаке, кинули кучу бесполезного, на первый взгляд, хлама. Игнатий Матвеевич не долго горевал об упущенных возможностях, все-таки хоть что-то лучше, чем ничего. Пока полковник занимался сбытом тогда еще примитивной, но отнюдь не дешевой оргтехники, ему довелось пообщаться с умными людьми, которые объяснили ветерану, что за этими «бесполезными ящиками» будущее.

Выручив от реализации «железа» кругленькую сумму, полковник призадумался, что с ней делать? По опыту предыдущих потрясений он знал, что во время перемен нет ничего более нестабильного, чем денежные знаки. Часть средств ему удалось конвертировать и отложить на черный день, на оставшиеся денюжки Кривоножке нанял несколько толковых ребят и организовал собственный бизнес.

Неожиданно для всех, а в первую очередь для самого организатора, дело закрутилось и начало приносить хороший доход. В технические вопросы хозяин никогда не вникал — доверял начальникам отделов, одним из которых числился я. Зато финансовую сто-

рону обеспечивал лично. Денежные дела он никогда и никому не перепоручал. Для этого не только постоянно штудировал различные финансовые справочники и учебные пособия по аудиту и делопроизводству, но даже окончил ускоренные курсы бухгалтеров-экономистов.

Как я уже сказал, дела на фирме шли очень даже неплохо. Мы делали все и для всех, кому до зарезу был необходим какой-либо софт и кто был в состоянии оплатить наш интеллектуальный труд. Программы, управляющие целыми заводами и производственными комплексами, электронные переводчики и словари, складские программы и банальные игрушки — вот неполный перечень нашей продукции. Часто заказы поступали из-за границы. Игнатий Матвеевич никогда не упускал возможности похвастаться этим перед гостями.

Мне, как ведущему специалисту, иногда доводилось принимать участие в застольях, которые организовывал глава предприятия ради ублажения дорогих, часто заморских гостей. Кривоножко на этих посиделках всегда старался выглядеть хлебосольным хозяином, балагуром и весельчаком. Каждый раз после трехсот граммов, принятых на грудь, полковник стучал ножом по графину, требуя всеобщего внимания. Далее он по секрету доверительным шепотком объявлял, что «Microsoft», благодаря его, Игнатия Матвеевича, стараниям, через пару недель разорится, а за ней и вся остальная мелюзга, и в мире останется лишь одна-единственная компания — «Софт ризл». Подогретые алкоголем гости на эту чушь реагировали весело и шумно: хлопали в ладоши, поздравляли хозяина и поднимали тосты за его здоровье, благо обилие на столе халявной выпивки и закуски вполне рас-

полагало к откровенному выражению восторженных чувств.

По мере увеличения спроса на программные продукты росли доходы работодателя, от которых и нам, рядовым сотрудникам, неплохо перепало. Так продолжалось десять лет и могло продолжаться дальше, если бы в один прекрасный момент на пороге офиса не появилось единственное горячо любимое хозяйское чадо.

Игнатий Матвеевич решил приобщить своего отпрыска Гену к делу. Долговязый, замкнутый юноша, на деньги отца окончивший какой-то престижный забугорный университет, месяц исправно посещал офис и проводил там рабочий день от звонка до звонка. Затем в течение следующего месяца он активно стучал по клавиатуре компьютера. Таким образом на свет родился план реорганизации производства, автором которого был юный гениальный менеджер Геша. Продукт своих двухмесячных изысканий сынок представил на рассмотрение папашки. До сих пор не могу взять в толк, как этот юнец смог убедить своего здравомыслящего отца принять сей продукт, но с этого момента начался, на мой взгляд, планомерный развал фирмы «Софт ризл».

Полковника будто подменили: каждое утро он бегал от стола к столу на своих коротких ножках и орал на сотрудников, будто все мы бездельники, дармоеды, должны на работе выкладываться, неустанно сберегая каждую хозяйскую копейку. Изрядно подпортив нервы подчиненным, часам к одиннадцати он удалялся в главный офис, только тогда можно было начинать нормальную работу. С легкой руки Гены была введена система штрафов за так называемые нарушения трудовой дисциплины, строго регламентирован рабочий день: теперь, если сотрудника лови-

ли в неположенное время за чашечкой кофе или в курилке, его лишали части зарплаты. Опоздание на службу грозило личным разговором с боссом в отдельном кабинете, что часто оканчивалось не только материальным наказанием, но и увольнением сотрудника. Одним словом, началась новая веселая жизнь.

Что касается моей персоны, Гена невзлюбил меня сразу, поскольку одним из главных тезисов его программы переустройства работы фирмы было то, что старикам не место в развивающемся, динамичном коллективе, и вообще люди старше сорока с их окостенелыми мозгами неспособны к творческой работе. Но пока Игнатий Матвеевич еще не разучился мыслить здраво, чтобы разбрасываться такими специалистами, как я, мне ничего не грозило. Он даже с некоторой снисходительностью относился к моим «прегрешениям» и особо не цеплялся, хотя, как начальника отдела, в последнее время он меня иногда доставал своими безграмотными «ценными указаниями» и «мудрыми советами». Еще полковник всерьез считал, что я почему-то должен нести ответственность за моральный облик своих подчиненных. С этим я был категорически не согласен.

За три месяца «реформ» все в конторе кардинально поменялось. Лучшие спецы ушли, их места стали занимать бесхребетные бездари, готовые лизать что угодно у кого угодно за определенное материальное вознаграждение. Качество выпускаемого продукта упало. Многие заказчики стали отказываться от наших услуг. Удивительно, как за столь короткое время можно было нанести такой непоправимый ущерб престижу предприятия? Однако другое удивляло еще больше: почему папочка до сих пор не отшлепал сына по молодой розовой попке и не выгнал с позором? Лично я относился ко всему происходящему

философски: что есть — то есть. Сам родитель, понимаю прекрасно, до какой степени человек может быть слеп в отношении любимого чада.

Однако труба зовет. Я отвлекся от размышлений — пора на работу. Симпатичная ведущая с экрана телевизора пообещала на сегодняшний день ясную и теплую погоду, не забыв порадовать людей, страдающих сердечно-сосудистыми заболеваниями, стабильным геомагнитным фоном. На этой радостной ноте и в самом приподнятом настроении я покинул свое холостяцкое прибежище.

Производственный офис компании «Софт ризл» находится в пятнадцати минутах ходьбы от дома, что очень удобно, поскольку терпеть не могу утренней толчеи в общественном транспорте. В данном случае жадность хозяина играла мне на руку — содержать подобное помещение в центре столицы было бы значительно дороже. Да и зачем? На Тверском бульваре, недалеко от здания МХАТа, расположен главный офис, где Игнатий Матвеевич и проводит свой основной рабочий день.

Путь мой пролегал через небольшой неухоженный лесной массив, который местные жители громко называют парком. Было удивительно, что этот кусочек природы еще никто не приспособил под строительство какого-нибудь здания или на худой конец автостоянки. В утренние часы он пустовал. Днем здесь гуляли неработающие пенсионеры и молодые мамы с колясками, играли в войну ребятишки. Вечером после работы сюда частенько заглядывали трудящиеся, чтобы пропустить с устатку рюмочку-другую на природе, обсудить последние политические события, поговорить о рыбалке и футболе. В темное время суток это было излюбленное местечко для тусовок молодежи постарше.

Я шагал по тенистой аллее и с наслаждением вдыхал ароматы растений. На дворе начало лета — пора интенсивного цветения. Повсюду на асфальте вокруг подсыхающих луж — следов ночного дождя — яркими разводами желтела пыльца. Солнце весело играло капельками влаги на листьях и траве. Создавалось впечатление, что весь парк за ночь по мановению волшебной палочки превратился в огромную пещеру Али-Бабы.

Возвращаться мыслями к ночному кошмару не хотелось, и думы поневоле перетекли в область приятного. Сегодня пятница, впереди два выходных, которые я проведу на дачном участке — моем любимом детище, где все создано исключительно собственными руками. Бревчатый домик с мансардой и верандой, плодовый сад с яблонями, грушей, сливами, кустами крупной смородины, черенки которой я срезал в плодовом саду бывшей тогда еще ВДНХ, за что имел неприятный разговор со смотрителем питомника, пара грядок со свежей зеленью и овощами для закуси — все это ожидало меня завтра. Если приедут ребята и привезут радость моей души Саньку, будет вообще здорово. Внук обязательно потащит деда рыбачить на пожарный водоем, где отродясь, кроме лягушек, ничего не водилось, или за молодыми лисичками в близлежащий лесок. По пути будет захлеб рассказывать, сколько монстров уничтожил вчера из бластера и сколько уровней прошел в своей новой компьютерной игрушке, которую подарила ему баба Алла.

В вестибюле сегодня дежурил вахтер Василий Космодемианович — сухонький, невысокого роста — пенсионер, с неизменным Достоевским на дежурном столике. Демьяныч, как для краткости мы все называли этого тихого старикана, считал, что на свете

существует всего один настоящий писатель, а именно — Федор Михайлович.

«Только у Достоевского, — любил говаривать Василий Космодемианович, — вы найдете ответ на любой вопрос. Жизненный писатель».

— Что из духовной пищи вкушаете сегодня? — поздоровавшись с охранником, спросил я.

— Сегодня «Бесы», Сергей Николаевич, — на минуту оторвавшись от книги, доложил Демьяныч и снова углубился в чтение.

Меня словно обухом по голове стукнули. Бесы, бесовщина, бесятина, что-то такое еще было в моем сне, чего я никак не могу вспомнить!

Проходя мимо кабинета директора, я обратил внимание на то, что дверь приоткрыта. Из любопытства сунув нос в щель, увидел за столом шефа Генку, ковыряющегося в бумагах. До сего момента Геша никогда не заходил в кабинет без папы. Теперь шуровал там, как в своем собственном. Он меня не заметил, и я двинул дальше к своему столу. На сегодня работы было немного: отладка небольшой программы для какого-то завода. Сев к столу, хотел было заняться этим проектом, но сразу обнаружил следы недавнего вторжения в систему. Мой «magic wall» — программа, которую я сам написал, фиксировала любые попытки взлома системы не только извне, но и из локальной сети офиса. Верный страж доложил, с какого компьютера был осуществлен вход и какие действия принял взломщик. Точнее, хакер был уверен, что совершил эти действия. На самом деле «волшебная стена» не только препятствовала утечке любой информации без моей санкции, но и устраняла все отрицательные воздействия на систему. Недоброжелатель пытался произвести небольшие, почти незаметные изменения в трех проектах, над которыми рабо-

тала моя группа. Они были уже готовы и давно разосланы заказчикам. Для чего это нужно, пока было неясно, но кто это сделал, теперь я знал.

Артур Козырев — член группы, руководителем которой я состою, мне не понравился с самого начала: вертляв, нагловат, неисполнителен. Давно избавился бы от него, но босс по какой-то непонятной причине благоволил Артуру. Вероятнее всего, это был осведомитель, державший Кривоножку в курсе дел коллектива, — этаким чужой среди своих. Именно с его компьютера и была совершена попытка взлома. Ну что ж, поднявший меч... Пары минут хватило, чтобы подготовить адекватный удар и нанести его. Потом я приступил к работе и через четверть часа уже позабыл об утренних странностях.

Время двигалось к обеду. Сегодня хозяин не соизволил почтить коллектив своим визитом. Настроение в народе от этого несколько не понизилось. Наоборот, в предвкушении уик-энда все расслабились. Минут за пятнадцать до перерыва ко мне подошла секретарь Света.

— Сергей Николаевич, вас приглашает в свой кабинет Геннадий Игнатьевич.

«С каких это пор кабинет стал его?» — промелькнула мысль, но язык не повернулся ее озвучить...

— Итак, Сергей Николаевич, — напустив на себя видимость строгого, но справедливого босса, начал Геша, — как вы, наверное, уже слышали, меня назначили техническим директором предприятия.

«Вот это новость, неужели свершилось и выживший из ума полковник отдал нас на растерзание этому прохвосту?»

Но вслух я сказал:

— Поздравляю Геннадий Игнатьевич! Вы меня

по делу вызвали или известить персонально о своем назначении?

— По делу, конечно, по делу! — приосанился новый начальник. — Плохо работает группа под вашим руководством! За месяц имеем три рекламации! Если бы не оперативное вмешательство Артура Игоревича, предприятие могло бы понести значительные убытки. Поэтому с сегодняшнего дня вы понижены в должности до рядового сотрудника с соответствующим понижением оклада.

— И начальником отдела назначается Артурик, — закончил я за него.

— Вы догадливы. Разговор окончен. Прошу впредь называть своего начальника по имени и отчеству! Вы свободны, Сергей Николаевич! — Геша уткнулся в бумаги с видом очень занятого человека.

Я сидел красный как рак, но не от испуга за свою карьеру, а из-за того, что меня, профи высочайшего класса, какой-то щенок обвиняет в некомпетентности.

— Разрешите ознакомиться с документами?

— Пожалуйста. — Не отрываясь от бумаг, он протянул через стол папку.

Одного взгляда на листы распечаток хватило, чтобы сразу заметить суть подставы. То, что я увидел, никоим образом не было для меня сюрпризом. Несколько часов назад у меня уже была возможность ознакомиться с этими «грубыми ошибками». Грязная работа. Теперь до меня дошла суть всей гнусной подоплеки тех манипуляций с компьютером, которые обнаружили утром. Задание группой выполнено в срок и качественно, но перед отправкой потребителю Артур и Гена намеренно сделали в файлах ряд «исправлений». Программы не работали должным образом — заказчик недоволен. Далее на сцене появился

Козырев с «исправленной» версией софта и спас положение.

Наконец-то были созданы все предпосылки для того, чтобы под благовидным предлогом избавиться от Свиридова С. Н. Правда, существовала одна заковыка — в моем компьютере нет ошибок. Тогда эти шустрые парни решили сделать так, чтобы они появились, и совершить это непосредственно перед днем, когда Гена станет фактическим диктатором нашего сектора, чтобы я не успел ничего заметить и исправить. При удачном раскладе шалунам удалось бы меня «опустить», выражаясь языком некоторых не-законопослушных граждан нашего общества.

— Ну что, Гена, поздравляю, из вас с Артуром получился прекрасный дуэт сволочей! Работа — грязная, но убедительно действует на таких «крутых специалистов» в компьютерах, как твой папа. — Мне вдруг стало очевидно, что моя карьера в кампании «Софт ризл» подошла к своему логическому завершению. Наверняка Гена сейчас не самодеятельностью занимается, все согласовано с вышестоящим начальством.

Меня понесло:

— Подставили, хорошо подставили! Радуйся, тварь, ты давно хотел от меня избавиться! Тебе надоело ждать, когда Акела промахнется, ты нашел такого же, как сам, подонка, и он помог меня «уйти» за стандартную плату тридцать сестерциев! Однако есть одно «но» во всем этом тухлом дельце: Артур не смог выполнить возложенную на него задачу по дискредитации моей персоны в полном объеме. Более того, его компьютер в данный момент почему-то заблокирован, и системщики все утро ничего с ним не могут поделать. Если я сильно рассержусь и подниму шум, любая независимая экспертиза докажет, что

Артур именно отсюда пытался вчера вечером проникнуть в мою систему. Поэтому во избежание грозящих тебе и твоему дружку неприятностей с законом, есть встречное предложение.

— Какое? — Новоявленный босс как-то съежился и побледнел.

— Ты не пачкаешь мою безупречную трудовую биографию, предоставляешь полный расчет немедленно в связи с моим уходом по собственному желанию. В этом случае я не звоню в прокуратуру, у тебя не будет никаких неприятностей с законом и, наконец, твой батя ничего не узнает о мелких шалостях любимого сыночка.

— Вы не можете так голословно обвинять меня в чем-то нехорошем по отношению к вам, Сергей Николаевич, — слабо попытался защищаться Гена.

— Я не голословно, я обвиняю! Ну, так что, вызывать представителей закона для дальнейших разборок?

— Согласен, — пролепетал технический директор. — Все сделаем, как скажете.

На улаживание формальностей ушло не более получаса. Я тепло попрощался с ребятами, ситуацию никому не объяснял, все и так было понятно без разъяснений. В голове крутилось: «Отряд не заметил потери бойца...» Чувство необоснованной, но неподконтрольной обиды на коллектив, вероятно, возникает у каждого человека, покидающего работу не совсем по собственному желанию, дескать, не защитили, не уберегли, не удержали. Хотя обижаться на коллектив с моей стороны было бы несправедливо, они жалели и переживали за меня. Даже гордая и неприступная Света на прощание зашмыгала носом.

В коридоре повстречал Артура. При моем приближении парнишка засуетился, хотел проскочить

★ — потихонечку мимо, но не тут-то было. Могучая рука бывшего начальника сгребла его ворот и поставила трясущегося от страха хакера-неудачника пред мои ясные очи.

— Ну что, Артурик, ухожу от вас, — елеинным голосом начал я. — Ума не приложу, как вы тут без меня справитесь?

— Нам будет вас очень не доставать, Сергей Николаевич! Как же вы все решили так скоропалительно? — Голос Артура окреп, в глазах сверкнули искры нескрываемой радости.

— Наверное, пришло и мое время. Молодым, талантливым нужно место уступать. Тебе и карты в руки — руководи! На прощание хочу тебя благословить. Ты уж прости мою стариковскую слабость.

Я возложил ладонь правой руки на лоб ничего не подозревающего бывшего коллеги. Поневоле Артур зажмурил глаза. Оттянув средний палец, дал ему хорошего «леща». Сила удара была такова, что головенка парня дернулась, а ножки подкосились, и он с грохотом приземлился пятой точкой на один из деревянных ящиков с макулатурой многолетней давности, которые во множестве стояли по стенам коридора.

По-отечески взъерошив ему волосы, напоследок обрадовал:

— А рабочий диск тебе придется форматировать. Зря только побеспокоил системщика — напрасная трата времени. Вон видишь, до обеда провозился с «ящиком», а ничего сделать не смог. Попробуй сам, ведь ты гений — может быть, разблокируешь. Не сможешь — распрощаешься со всеми данными.

В ожидании новых «лещей» свежеиспеченный начальник отдела совсем притух, он даже пытался что-то бормотать в свое оправдание. Я не стал выслушивать его бессвязный лепет, брезгливо вытер руки

носовым платком и потопал прочь, обойдя повизгивающего от ужаса Артурика.

Демьяныч проводил мою удаляющуюся фигуру грустным взглядом, казалось, старик хотел что-то сказать, но из-за скромности или по какой-то другой причине промолчал.

Не оборачиваясь, я двинулся прочь. Вопреки всему, душа пела и ликовала. Теперь на природу! Да! Немедленно еду на дачу! Свежий воздух, тишина и покой — вот что мне сейчас жизненно необходимо! Напоследок обративши лицо к моей теперь уже бывшей конторе, я заметил в окне кислую физиономию Гены. Не удержался и по-мальчишески сделал в его сторону весьма неприличный жест.

ГЛАВА 2

Сидя в кресле за столиком, установленным на лужайке между двумя раскидистыми яблонями, в полном одиночестве я вкушал «Абсолют» под непрерывные трели соловья. Ласковый теплый ветерок шевелил остатки волос на моей голове. Солнышко приятно пригревало изрядно выпирающий и буйно поросший седым курчавым волосом животик. От удовольствия зажмурив глаза, я закусывал очередную стопку водки маринованным огурчиком. Покой и гармония царили в этом райском уголке. Не было никакого желания ни о чем думать, что-то анализировать, планировать будущее. Хотелось просто сидеть, наслаждаться непередаваемыми ощущениями, которые дарит нам алкоголь в сочетании с буйством природы и умиротворенным состоянием души.

Все произошедшее сегодняшним утром ушло в прошлое и ничуть меня не волновало. Начать новый

этап в жизни никогда не поздно. Почему бы не начать его с хорошей пьянки?

«Посижу денек-другой на даче. Сброшу весь накопившийся в душе мусор. Все проблемы прочь из головы, — неторопливо рассуждал я. — Водкой и закуской заправился основательно. Живи — не хочу, никаких раздражающих факторов — сплошная идиллия».

Не подумайте, что я хроник-алкаш, позволяю себе регулярно напиваться наедине с собой, любимым. Сегодня так получилось вне зависимости от моего собственного желания. В процессе питья считаю общение с собутыльником деталью немаловажной, едва ли не главной. В данный момент найти собеседника возможности не представилось. Соседи приедут либо сегодня затемно, либо завтра утром. Павел позвонил и сообщил, что на выходные уезжает со всем семейством в гости к теще в Калужскую губернию сажать картошку. Посадка картофеля и уборка урожая для сватов не просто сельскохозяйственная процедура. По глубокому убеждению родителей моей невестки, это праздник, в котором обязательно должны принимать участие все их дети с мужьями и женами, вне зависимости от общественного положения и собственного желания. Паша однажды, еще в начале своей семейной жизни, опрометчиво попытался уклониться от этой повинности, но, вовремя осознав, что благополучие семьи находится в прямой зависимости от настроения тещи, больше таких попыток не предпринимал. Я хотел для компании пригласить сторожа Василия, но он в своей избушке дрыхнет после тяжелой ночной вахты и не менее «полулитры» выпитой «для сугреву» самогонки. Этим зельем, обладающим убойной силой, торгует тетка Матрена из близлежащей деревни со смешным названием Куропатки. Как тетка его готовит — ее тщательно охраняе-

мое ноу-хау, однако после приема этого вонючего крепкого пойла никогда не болит голова. Факт удивительный и невероятный, но проверенный на себе неоднократно.

Звук двигателя заглушил соловьиные трели. Из-за поворота выехал (я глазам не поверил) новенький «Бентли Континенталь» серебристого цвета. Ограда из сетки рабицы нисколько не мешала все хорошо видеть. Прошуршав колесами по гравию, автомобиль мягко остановился позади моего старенького, но надежного «Пассата». Тонированные до зеркального блеска стекла не позволяли разглядеть ни водителя, ни кого-либо из пассажиров, если таковые имелись. С минуту этот триумф английского автомобилестроения постоял на месте, словно шофер находился в раздумье: куда ехать дальше. Однако водительская дверь в конце концов распахнулась, и из салона показалась неопределенного вида фигура. Одетый в темный, не по погоде теплый плащ невысокий мужчина, поправив такого же цвета не менее теплую шляпу, подхватил черный кейс, захлопнул дверцу и решительно направился в сторону моей калитки. «Человек в черном», как я его назвал про себя, меня пока не замечал. Сомневаться в его решимости нанести визит моей персоне не приходилось. Я решил пригласить гостя, не дожидаясь, когда тот найдет кнопку несуществующего звонка.

— Заходите, дорогой, гостем будете! Калитка не заперта!

— Спасибо! — сказал дорогой гость и, тщательно затворив за собой калитку, семенящей походочкой Эркюля Пуаро из бесконечного телевизионного сериала про знаменитого сыщика двинул в моем направлении. Подойдя к столу, без дополнительных уговоров занял стул напротив.

Откинувшись на спинку, он стал смотреть на меня изучающим взглядом, будто собирался когда-нибудь заняться составлением моего словесного портрета в отделении милиции.

Незнакомец, как я уже успел заметить, был невысок, щупловат на вид, носил усы и бородку а-ля Ильич. Ничем примечательным, кроме крупного крючкова-того носа, отмечен не был.

— Не желаете ли «Абсолюту»? — Чтобы прервать затянувшуюся неловкую паузу, я взял быка за рога.

— Ах да, извините... то есть, конечно, хочу! — за-суетился человек.

Он не стал дожидаться, когда я встану и наполню рюмки, а, по- хозяйски открутив крышку, налил мне и себе.

— Разрешите представиться, мое имя Иннокен-тий... мм... Мафусаилович. — Посетитель приподнял шляпу. Несмотря на то что головной убор пребывал не на своем законном месте всего пару секунд, я все-таки успел рассмотреть на голове у него пару неболь-ших рожек. Заметив на себе мой ошарашенный взгляд, он быстро заговорил:

— Давайте сначала выпьем, а потом я вам все объясню. Прошу лишь пока ничему не удивляться, мой визит никакими несчастьями вам не грозит.

Я сразу успокоился. Разгоряченный алкоголем мозг быстро подбросил вполне рациональный вариант, объясняющий увиденное: поклонник экстре-мального пирсинга вживил пластиковые рога в свою черепушку. Что здесь необычного? Об этом я где-то читал или смотрел по телику, точно не помню. Гово-рят, некоторые в наше извращенное время и не такое вытворяют со своей внешностью.

Мы выпили по рюмке за знакомство, по вто-рой — за хорошую погоду, по третьей — за тех, кто в

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1	5
Глава 2	25
Глава 3	47
Глава 4	66
Глава 5	83
Глава 6	106
Глава 7	128
Глава 8	151
Глава 9	170
Глава 10	183
Глава 11	202
Глава 12	216
Глава 13	240
Глава 14	263
Глава 15	279
Глава 16	298
Глава 17	321
Глава 18	343
Глава 19	363
Глава 20	384
Эпилог	408